

18+

КАМИЛЛА РАЙ

ЗАПРЕТНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ

Камилла Рай

Запретное наслаждение

<https://litres.ru/73910114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите погрузиться в мир порочных желаний, где каждое мгновение — как запретный плод, манящий и сладкий? Почувствовать, как нарастает томное возбуждение, захватывая дух, ощутить, как по коже пробегает дрожь возбуждения? Всё это вы найдёте здесь. Позвольте себе отдаться ощущениям!

Содержание

Выборочный контроль	5
Мамина подруга	41
Ключи и свечи	71
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Камилла Рай

Запретное наслаждение

Выборочный контроль

Стеклянный потолок терминала вбирал в себя утренний свет и превращал его в безжалостный, плоский поток. Под ним, в этой искусственной белизне, копошилось «стадо». Так мысленно называла их Алина. Стадо спешащих, сонных, вечно чем-то недовольных единиц биомассы, которых нужно было пропустить через фильтр безопасности. Пять лет на этой линии. Пять лет одних и тех же движений: «Раздевайтесь, пояс, часы, электроника в лоток. Проходите. Руки в стороны. Повернитесь».

Она стояла у своего поста, спиной к рёву скрытых где-то систем вентиляции, и пропускала через рамку металлодетектора очередную порцию человечества. Пиджак, пиджак, ду-тая куртка, пиджак. Унылая вереница деловых людей с похожими от усталости лицами. Её собственная форма - синяя, слегка накрахмаленная - казалась ей иногда панцирем, а иногда саваном. Сегодня определённо саваном.

Мысли текли вязко и цинично. «У этого ремень со стра-зиками. У этой в рюкзаке три литра йогурта, точно. Снова забыл снять часы, гений. О, семейство: папа-альфа, мама-за-гнанная лошадь, двое детей, уже ноющих. Ненавижу конец августа».

И вот, что то заставило её поднять голову и посмотреть на

очередь. Он появился не из бизнес-класса, а из общей очереди, но сразу выпадал из общего фона. Высокий, в тёмно-сером тонком свитере, джинсах, которые сидели не просто хорошо, а правильно. Не броско, но с ощутимой, спокойной дороговизной. Лицо модель с обложки: ярко выраженная линия скул, волевой подбородок, тёмные брови, внимательные, чуть усталые глаза. Он клал в лоток кожаный рюкзак, часы на простом кожаном ремешке, вынимал из кармана телефон. Движения были экономичные, без суеты. Его звали, как выяснилось из мелькнувшего в руках у коллеги паспорта, Ярослав.

В Алине что-то дрогнуло. Сонная апатия мгновенно испарилась, уступив место острому, почти хищному вниманию. Всё её существо, привыкшее к рутине, насторожилось, будто уловив долгожданный сигнал.

«Гражданин, пройдите, пожалуйста, на выборочный контроль» - её голос прозвучал ровнее и глубже, чем обычно. Она указала жестом на огороженную зону справа от основного потока.

Мужчина слегка удивился, кивнул и направился куда было указано. Его удивление было обычным, не возмущённым. Алина сбросила перчатки в урну и взяла новые - тонкие, синие латексные. Натягивая их, она чувствовала, как привыч-

ная мёртвая тишина внутри наполняется низким, тёплым гулом.

«Встаньте, пожалуйста, на указатель ногами, - сказала она, подходя. Дистанция сократилась до полуметра.

- Сейчас я проведу личный досмотр. Сообщите, если у вас есть проблемы со здоровьем или медицинские устройства».

«Всё в порядке» - ответил он. Голос у него был тихий, немного хриловатый, от него по спине Алины пробежали мурашки.

Она начала, как положено, с объяснения. «Досмотр буду проводить руками. Сначала спина и грудь». Но это были уже не просто слова из инструкции. Это был пролог.

Она встала сбоку от него, почти вплотную. Сначала ладони легли на его плечи, скользнули вниз по спине, ощущая под тонкой шерстью свитера напряжение мышц, очертания лопаток, позвонков. Движения её были не методичными, они были нежными.

Она не давила, не тыкала, а именно ощупывала, считывая информацию не о спрятанных предметах, а о теле. О его теле. Перешла к груди. Ладони скользнули от ключиц вниз, по грудным мышцам, к рёбрам. Он дышал ровно, но чуть глуб-

же, чем минуту назад. Она почувствовала под пальцами лёгкую, едва уловимую дрожь - его или свою? Сердце забилось где-то в горле.

«Теперь, пожалуйста, руки в стороны».

Она прошлась по бокам, вдоль рук, до запястий. Запах. Ненавязчивый парфюм, смесь кожи и чего-то ещё, тёплого, человеческого. Она сделала паузу, будто проверяя манжеты, просто чтобы вдохнуть глубже.

«Проверяю область пояса». Это была кульминация, и она растягивала её. Ладонь легла плашмя на его живот, чуть ниже пупка, и медленно, сантиметр за сантиметром, повела вбок, к бедру. Пальцы скользнули под ремень, исследуя пространство между тканью джинсов и его кожей. Пряжка ремня холодно блеснула, когда она проверила её с внутренней стороны. Он слегка замер. Воздух между ними стал густым, заряженным молчаливым пониманием. Она знала, что он чувствует. И он чувствовал, что она знает. Это была немой, извращённый диалог на языке прикосновений.

«И ноги», - произнесла Алина, и её собственный голос показался ей чужим.

Она присела на корточки. Теперь её лицо оказалось на уровне его пояса. Это был самый пик, момент абсолютной

власти и абсолютной уязвимости одновременно. Она видела мелкие детали: качество строчки на джинсах, пыль на замшевых ботинках. Подняла взгляд. Его руки были всё ещё разведены в стороны, из её положения он казался гигантом. Их взгляды встретились. В его глазах она прочла не возмущение, а смущение. То самое смущение, ради которого всё и затевалось.

Она положила ладони на его голени. Провела вверх, от щиколотки, вдоль икр, к коленям, затем по передней поверхности бедра. Медленно. Тщательно. Будто искала не оружие, а память о этом прикосновении, чтобы потом, в долгие вечера, извлечь её и пережить снова. Ткань джинсов была плотной, но под ней угадывалась упругая мышца. Она сделала ещё один проход, с внутренней стороны ног, едва не касаясь паха.

Он непроизвольно отстранился на сантиметр. В её нижней части живота вспыхнул знакомый жар. Это было возбуждение, чувство, которое она не испытывала уже давно. Его пах напротив её лица наводил на самые греховные мысли. Руки подрагивали от желания, схватить его за это место, чтобы почувствовать и увидеть, как он становится больше в её ладони. Достать, взять его в руки, чувствуя жар и ощущая канатики вен на стволе. Но, мечты так и останутся мечтами.

Она закончила. Поднялась. В ушах шумела кровь. Она увидела, что он отреагировал на её прикосновения. Брюки были чуть оттопырены в районе молнии. Её ноги слегка подрагивали. Он заметил, что она увидела его возбуждение. Они улыбнулись оба, смущённые и объятые общей тайной. Он видел, как затвердели её соски под форменной рубашкой, она видела, что у него в джинсах стало тесно.

Они встретились взглядами — и в эту секунду весь мир перестал существовать. Казалось, они ждали этого миг всю свою жизнь, уже почти перестав надеяться, что когда-нибудь судьба их сведёт.

В его глазах плескался целый водопад — нежность, изумление, восторг, трепет, всё разом. А она, поймав этот взгляд, будто растворилась в нём. Сердце замерло, а потом забилось так часто, что дыхание перехватило. Она не видела ничего вокруг — только его. И этот взгляд говорил обо всём, о чём они не успели вымолвить за все потерянные годы.

Они смотрели друг на друга так, словно нашли ту самую часть души, которую бессознательно искали всегда. И в этой тишине, полной невысказанных слов, началась их история.

“Алина, там без тебя затор из пассажиров” - услышала она голос начальника через дверь, - заканчивай побыстрее и на

рабочее место.

Они снова в унисон поняли, что слово “Заканчивай” для них обоих имело совсем другой смысл.

«Всё в порядке. Спасибо за понимание. Можете выходить - сказала она, указывая на дверь, и отвернулась, чтобы не смущаться от его взгляда. Она была так растеряна, что просто растерялась.

Он молча кивнул, опустил руки. Не сразу. Будто ему потребовалось время, чтобы вырваться из плена её очарования. Собрал вещи из лотка. Отходя, он на секунду обернулся. Их взгляды снова скрестились. В его уже не было смущения.

Он хотел ей что то сказать, что-то, что изменило бы их судьбы, но как только он произнёс первое слово, его прервал голос из динамиков установленных по всему терминалу, разбив всё очарование момента вдребезги. “Пассажир рейса “Краснодар - Москва” Ярослав Иванович Громов, срочно пройдите на посадку!”

Невысказанные слова, так и остались невысказанными. Алина молча махнула рукой в сторону выхода на посадку. Мужчина схватил свои вещи, и быстрым шагом пошёл в сто-

рону терминалов регистрации на рейс.

Он растворился в потоке пассажиров, оставив после себя лишь запах хорошего одеколona.

Адреналин начал отступать, оставляя после себя не триумф, а привычную, тошную пустоту. Горький привкус на языке. Стыд? Нет, не совсем. Скорее, ясное понимание собственной деградации. Она только что использовала служебное положение, чтобы получить порцию дешёвого, извращённого интимного контакта. Она превратила человека в объект для своего утешения. И самое ужасное - она хотела повторить это не один раз, и только с ним.

«Алина, ты там замечталась? На тебя очередь копится!» - крикнула Марина с соседнего поста, бросая многозначительный взгляд. Она всё видела. Понимала. Но молчала. Они все здесь что-то понимали и о чём-то молчали.

Алина кивнула, сделала глубокий вдох и вернулась к рамке. Следующим был пожилой мужчина с огромным брюхом, с которого она механически стряхнула крошки печенья. Контакт был закончен. Шоу окончено. Остался только мундир, пустота внутри и тягучее, унижительное возбуждение, которому не суждено было найти выхода.

Она поймала своё отражение в тёмном стекле монитора:

красивое лицо, серые глаза, плотно сжатые губы. Офицер досмотра. Защитница безопасности. Одинокaя тридцатилетняя женщина в форме, которая только что получила свою дозу, прикоснувшись к незнакомцу. И которая теперь ждала, что случится чудо и он снова появится в очереди, которая стоит к ней. Но вероятность этого была критически мала, почти нулевой, но она этого очень сильно хотела.

Путь домой стёрся в одно серое пятно. Автобус, мелькание тусклых светодиодных реклам, подъезд с запахом затхлости и чистящих средств, щелчок замка, звучащий как приговор. Алина сбросила сумку и мундир на стул. Душ не смыл ощущения, она всё ещё находилась в плену его глаз. Такого с ней ещё не было. Она не могла забыть загадочного пассажира. “Ярослав Громов” - произнесла она шёпотом, словно пробуя на вкус его имя.

Она легла в постель, уставившись в потолок, залитый оранжевым светом уличного фонаря. Тело было тяжёлым, отупевшим от усталости, но мозг, напротив, лихорадочно бодрствовал. Он крутил один и тот же кадр: её поза на корточках, его взгляд сверху вниз, густая, звонкая тишина между ними.

«Засыпай, - приказала она себе. - Просто засыпай».

Сон пришёл не сразу, а навалился яркой волной, смыв границы реальности.

Она не просто видела сон. Она ощущала его всеми фибрами души.

Все та же зона досмотра, но пустая, беззвучная, будто весь аэропорт вымер. Только монотонный гул вентиляции, превратившийся в ровное, гипнотическое биение. И он. Ярослав. Стоит всё в той же серой кофте, руки чуть отведены в стороны. Ждёт.

Алина подошла к нему. Движения были плавными, как в тягучем сиропе. На ней не было перчаток. Кожа пальцев ощущала прохладу воздуха. Она начала стандартно: спина, грудь, бока. Но в этом сне не было условностей. Её ладони не просто скользили по ткани - они помнили. Помнили каждый мускул, каждый изгиб под ней. И он не дышал глубже - он вздыхал, тихо, почти неслышно, когда её пальцы нашли упругие грудные мышцы под тонкой шерстью.

Она присела на корточки. И здесь сон сделал то, на что не осмелилось бы её дневное я: он остановил время. Не было необходимости торопиться, не было коллег, камер, пассажиров в очереди. Была только она, он, и плотное, сладкое напряжение, висящее между ними.

Она подняла глаза. Его лицо было в тени, но глаза горели тем же вопрошающим, тёмным пламенем. И тут, во сне, её страх и стыд испарились. Осталось только жгучее, всепоглощающее хочу.

Её руки, закончив формальный проход по ногам, не остановились. Левая ладонь плавно легла на внутреннюю поверхность его бедра, чуть выше колена. Правая поднялась выше. И мягко, почти невесомо, прижалась к тому самому запретному месту, которое она так тщательно, под предлогом проверки, обходила днём.

Через плотную ткань джинсов она почувствовала не просто намёк, а отчётливый, тёплый, живой отклик. Её собственное дыхание перехватило. Во сне это не было нарушением. Это было продолжение. Единственно верное продолжение.

Она не отводила взгляда. Уголки её губ дрогнули, сложившись в медленную, хищную улыбку. Улыбку, которой у неё не было в реальности - уверенную, властную, обещающую. Как кошка, прижавшая лапой мышку и знающая, что теперь может играть с ней сколько угодно. Она облизнула внезапно пересохшие губы, и этот простой жест во сне был наполнен такой сладостной, такой откровенной похотью, что по её

спине пробежали судороги наслаждения.

Под её ладонью, сквозь ткань, пульсировала жизнь. Он рос, твердел, становился больше, горячее, теснясь в узком пространстве. Он уже не умещался, и это было её победой. Её магией. Она одним прикосновением, одним взглядом сделала это.

Её пальцы нашли пряжку ремня. Во сне щелчок раздался необычайно громко, эхом разносясь по пустому залу. Затем, звук молнии. Звук был неприличным, влажным, сокровенным. Она не отводила рук, не спешила. Она смотрела ему в глаза, пока освобождала его от ткани. И вот он предстал перед ней - не как часть процедуры, а как дар. Тёплый, тяжёлый, полный крови и желания.

В реальности она бы никогда так не сделала. Во сне она наклонилась.

Первым коснулся не язык, а щека. Она прижалась горячей кожей к его коже, почувствовала пульсацию, провела лицом по всей длине, вбирая его запах - уже не парфюма, а кожи, соли, чистого мужского возбуждения. Потом губы. Она не стала сразу принимать его в себя. Она целовала там, где кожа была тонкой, как шёлк, и отзывалась судорожным вздрагиванием на каждое прикосновение, прощупывая под губами

твёрдые, набухшие вены.

Её дыхание стало частым, прерывистым. Она слышала его стоны - глухие, сдавленные, вырывающиеся из самого горла. Они были для неё музыкой. Превосходнее любых слов.

И вот, наконец, язык. Широкий, плоский, влажный удар от основания к кончику. Солоноватый вкус предэякулята смешался со вкусом её собственной жажды. Она взяла его в рот, не спеша, позволяя себе привыкнуть к размеру, к полноте, к абсолютной власти, которую это давало. Её мир сузился до этого темного, жаркого пространства между его ног, до ритма её движений - медленных, затем быстрых, затем снова медленных, чтобы продлить этот миг.

Её рука впиалась в его бедро, оставляя полумесяцы от ногтей. Она сосала, облизывала, заглатывала, теряя счёт времени и пространству. Она была не офицером досмотра, а жрицей, исполняющей древний, запретный обряд, центром которого была эта плоть, этот стон, эта полная над ним власть.

Он кончил внезапно, с тихим, срывающимся криком. Горячая, густая волна заполнила её рот, хлынула на подбородок, капнула на синюю ткань её форменной юбки, оставив тёмные, неприличные пятна. Она не отстранилась. Приняла всё. Проглотила, чувствуя, как эта теплота разливается внут-

ри, смешиваясь с её собственной, дикой, разрывающей её на части разрядкой, которая накатила на неё без единого прикосновения к её телу.

Она подняла к нему лицо. Запачанное, сияющее, торжествующее. И увидела в его глазах благодарность.

Алина проснулась, как будто вынырнув из теплой воды. Сердце колотилось так, что казалось, вырвется из груди. Простыня под ней была влажной, то ли от пота, то ли от чего-то ещё. Тело дрожало, низ живота дрожал от сладостной истомы.

Сон был ярче, реальной, осязаемой любого дневного воспоминания. Её мозг не просто фантазировал. Он выдал наружу всё то, что она подавляла.

Она понимала с кристальной, беспощадной ясностью. Это не была эротическая фантазия. Это был крик. Крик её одиночества, её извращённой голодности, её профессиональной деформации, дошедшей до точки кипения.

Она вышла из душа, завернулась в старый, любимый халат и села на краешек кровати, глядя в темноту. Она до сих пор чувствовала его вкус на своих губах.

«Я схожу с ума, - прошептала она в тишину квартиры. Я

уже сошла».

И самое страшное было даже не в этом сне. Самое страшное было в том, что, отбросив ужас и стыд, в самой глубине, в тёмной, заповедной пещере её души, теплился крошечный, тлеющий уголёк. Уголёк, который шептал: «А ведь это было - божественно»

Работа, похожая на серый бесконечный тоннель без конца, начиналась ровно в восемь утра. Алина влилась в этот поток как несмазанная шестерёнка, с трудом, но беззвучно. Всё тело жило воспоминаниями того сна, той ночи, сделавшей её капельку счастливее.

Однообразные слова и движения, лица, крики, плач, угрозы. Одно и то же изо дня в день. «Электронику в лоток. Ремень, часы. Проходите. Руки в стороны.

Повернитесь». Она даже не думала о том, что делает. Все движения и слова уже давно происходили на автомате, бессмысленном и беспощадном. Она сканировала не пассажиров, а угрозы, она ощупывала не людей, а аномалии в силуэтах. Она была машиной. И это было единственным спасением - стать машиной, чтобы не сойти с ума от воспоминаний о сне.

Но иногда на её лице расцветала улыбка — настолько тёплая и солнечная, что казалось, будто она способна растопить самую хмурую мглу осеннего дня. В эти мгновения сердце наполнялось невесомой, сладкой музыкой, и все мысли растворялись в одной-единственной, самой главной.

Забыть его было невозможно. Каждая деталь, каждый взгляд, каждый миг рядом с ним жили в её памяти, как бесценные сокровища, к которым она возвращалась снова и снова. Он был не просто воспоминанием. Он был её тихой, личной весной, пробивающейся сквозь толщу обыденности.

Поток был плотный, утренний, нервный. Бизнесмены тыкали в телефоны, семьи судорожно собирали рассыпавшиеся по ленте вещи, кто-то вечно опаздывал. Сквозь этот шум и суету она пропускала одного за другим, её взгляд был пустым, направленным куда-то в точку за спиной очередного пассажира.

И тут система дала сбой.

Букет ярко-алых роз появился перед её лицом, вводя её в ступор. Не просто в поле зрения - прямо перед глазами, перекрывая обзор. Алые, бархатные, с каплями росы на лепестках, в зелёной бумаге. Они пахли. Пахли так приятно, так жизненно, что этот аромат физически ударил в нос, пе-

ребивая запах пластика, пота и антисептика.

Нет, пассажиры с цветами часто проходили на посадку. Мимолётные мысли проскочили в заторможенном сознании: «Встречать будут. Или провожают. Романтик. Не влезет в ручную кладь». Но в первый раз букет не просто проносили мимо. Его удерживали перед ней. И его дополняли слова, тихие, но чёткие, пробивающиеся сквозь гул зала: «Это вам»

Голос был знакомым. Тот самый, чуть хриловатый, тихий. Сердце на мгновение не просто замерло - оно, казалось, разорвалось на тысячи осколков, которые больно впились ей в грудь изнутри. Время споткнулось, заиклилось. Она медленно, преодолевая сопротивление воздуха, как в том самом сне, подняла взгляд от роз.

Ярослав.

Он стоял по другую сторону стола с лотками. В другой одежде - тёмная куртка, чёрные джинсы. Лицо было серьёзным, почти напряжённым. В его глазах не было насмешки. Была - настойчивость.

Алина застыла, словно статуя, выточенная из мрамора искусным скульптором античности. Внутри же бушевал ураган из паники и дикого, нелепого, предательского всплеска че-

го-то похожего на надежду. Запах цветов вскружил голову, смешиваясь с головокружительным ужасом происходящего.

«Я, не могу» - выдавила она, и её голос прозвучал как скрип ржавой петли. Она не имела в виду цветы. Она имела в виду всё: его появление, этот взгляд, память о сне, который теперь висел между ними, как призрак.

«Можете, - мягко, но не оставляя возражений, сказал он. - Это просто цветы. Благодарность за вчерашнюю внимательность».

Её щёки вспыхнули. Коллега за соседним постом уже с любопытством косилась в их сторону. Марина приостановила досмотр, уперев руки в бока. Нужно было действовать. Быстро. Любой ценой убрать его из зоны видимости, из этого публичного пространства, где он вносил хаос в её отлаженный ад.

«Я уже прошёл контроль, - он показал бирку на ручной клади. - Просто хотел подарить вам цветы».

«Вам необходимо пройти срочный дополнительный досмотр. В связи с нестандартной ситуацией». Она сама не понимала, что говорит. Слова вылетали из нее, подсказанные инстинктом. Ей нужно было его контролировать. Вырвать из

потока. Объяснить себе и ему, что происходит. Или просто продолжить тот контакт, который не давал ей покоя.

Не давая ему опомниться, она резко схватила его за руку выше запястья. Кожа его руки была тёплой, сухой. Её ладонь в перчатке сжала его с такой силой, будто боялась, что он растворится. Она повела его мимо досмотровой, мимо удивлённых взглядов пассажиров и коллег, коротким служебным коридором.

Она толкнула дверь в маленькую разделку, помещение для персонала, где висела сменная одежда. Комната была пуста. Она втолкнула его внутрь, сама заскочила следом.

Тишина. Гул аэропорта сюда почти не доносился. Было слышно только их прерывистое дыхание. Она стояла, приклонившись спиной к холодной металлической двери, отрезав путь к отступлению и себе, и ему. Букет роз, который она в суматохе не выпустила из руки, безвольно свисал вдоль её бедра, алые головки смотрели в пол.

Они смотрели друг на друга в тесной, полутемной комнате, заваленной чужими вещами. Воздух пахло пылью, тканью и теперь - её розами. Вчерашний сон навис между ними, почти осязаемый. Она видела, как его взгляд скользнул по её форме, по сжатой в комок перчатке, по цветам в её руке, и

снова вернулся к её лицу. В его глазах не было страха. Было ожидание. И та самая невероятная, сведшая её с ума внимательность.

Алина открыла рот, чтобы сказать что-то, но слова застряли в горле комом. Всё, что у неё было, - это дикое, всепоглощающее напряжение и запах алых роз.

Только сейчас она поняла, что привела его в раздевалку, а в не досмотровую комнату. Дверь за её спиной с глухим, окончательным щелчком захлопнулась, защёлкнувшись магнитным замком, наглухо отрезав их от гудящего мира аэропорта, от Марины, от очереди пассажиров, от всего. Этот звук был точкой невозврата.

Её мысли метались, словно испуганная синичка, бьющаяся о стекло. «Что я наделала? Начальник, видеокамеры, коллеги. Он думает, что я сумасшедшая»

Но под этой панической трескотнёй, на самом дне, в подсознания зрело иное, куда более явное понимание происходящего.

Она поняла, что изначально вела его именно сюда. Сознание цеплялось за спасительную формулировку «срочный дозор», но инстинкт, тот самый, что управлял её снами, уже

знал цель. В комнату, где никто им не помешает. Не пассажир - объекту контроля. Мужчина - женщине. Его присутствие, его запах, сама возможность коснуться его вне протокола, вне сотен глаз, были тем наркотиком, от которого её разум отключался.

Когда же она осознала всю пропасть своего падения? Не в момент щелчка замка. Не когда подняла на него глаза. А в тот миг, когда он улыбнулся.

Это была не плотоядная улыбка, не торжество. Она была мягкой, почти печальной, и в то же время невероятно тёплой. Его глаза, казалось, лучились не просто пониманием, а чем-то огромным, всепрощающим, чем-то, что она не могла назвать, но что сдавило ей горло.

Любовью? Нет, это было невозможно. Это слово не имело права звучать здесь, в этой вонючей камерке. Но в его взгляде было принятие. Принятие её истерики, её дикого поступка, её всей - в синей форме, с растрёпанными волосами и глазами полными ужаса. Эта улыбка сводила с ума. Она была оружием, против которого не было защиты.

Он сделал шаг навстречу. Не напористо, а осторожно, как подходят к пугливому зверю. Расстояние между ними сократилось до полушага. Она слышала теперь не только своё пре-

рывистое дыхание, но и его - ровное, глубокое. Она чувствовала биение своего сердца где-то в висках, гулким, частым стуком. И тогда пришло оно. Не мысль. Чувство. Физическое, всесокрушающее.

Волна желания накрыла её с головой, смывая последние остатки страха, стыда, логики. Это был не просто порыв. Это было обрушение. Плотина из правил, условностей, профессиональной этики и просто человеческого приличия рухнула под напором чистой, дикой химии. Запах его кожи, смешавшийся с ароматом смятых роз, тепло, исходящее от его тела, память о сне - всё это слилось в один мощный электрический разряд, пронзивший её насквозь.

Она не решилась. Она сдалась.

С тихим, сдавленным стоном, больше похожим на рыдание, она сама сделала шаг навстречу, закрывая последние сантиметры. Её руки, ещё в перчатках, впились в складки его куртки, притягивая его к себе. И она впилась в его губы страстным поцелуем.

Это был не поцелуй. Это было нападение. Голодное, отчаянное, безрассудное. Она больше не могла сдерживать своих чувств и желаний. Годами копившаяся пустота и одиночество - всё вырвалось наружу в этом единственном жесте.

Она кусала его губы, её язык искал его, её тело прижималось ко всему, до чего могло дотянуться, жаждая слиться, раствориться, забыться.

Он ответил. Не сразу - секунду он замер от неожиданности, но затем его руки обхватили её, одна опустилась на её поясницу, прижимая ещё сильнее, другая вцепилась в её волосы. Его поцелуй стал таким же жадным, властным. Он целовал её так, как будто хотел выпить всю её боль, всю её истерику, всю её сумасшедшую, исковерканную страсть.

Он стал растёгивать её форменную куртку. Она сама рванула на себе молнию, сбрасывая её на пол, к розам. Под ней была тонкая синтетическая блузка. Его губы соскользнули с её губ на шею, оставляя горячие, влажные следы. Он прижимался к ней губами к её коже, дышал, и каждое прикосновение заставляло её вздрагивать. Пальцы нашли молнию юбки.

Она помогала ему, в каком-то диком, животном экстазе, сбрасывая с себя юбку. Её мир сузился до этого помещения, до его рук, до его рта. Он опустился на колени перед ней. Его руки скользнули по её бёдрам, срывая с них последний барьер - тонкие трусики. Он снял их одним резким движением, и воздух комнаты коснулся её оголённой кожи.

И тут, в порыве безумной, почти театральной откровен-

ности, желая отдаться полностью, без остатка, она поставила одну ногу на стул. Эта поза - вызывающая, невероятно уязвимая - открывала ему всю себя. Она смотрела на него, её грудь вздымалась, губы были распухшими от поцелуев. Она видела, что он смотрит на неё с обожанием и восторгом. От этого взгляда, её сердце начинало биться чаще.

Он поцеловал её грудь сквозь тонкую ткань блузки, но этого уже было катастрофически мало. Синтетическая материя, промокшая от пота, стала раздражающей преградой. С тихим, нетерпеливым рычанием он взялся за ворот, и хлопок разорвавшихся швов прозвучал в тишине комнаты громче выстрела. Ткань расступилась, обнажив её грудь. Воздух, прохладный и пыльный, коснулся горячей кожи, и её соски мгновенно затвердели, превратившись в тёмно-коричневые, напряжённые бугорки.

Он замер на мгновение, дыхание срывалось, его взгляд был голодным и почти благоговейным. Затем он опустил голову. Его губы, горячие и влажные, обхватили один сосок полностью, вместе с неровной, взволнованной поверхностью ареолы. Не просто коснулись - он обхватил губами её плоть с такой жадной нежностью, будто пытался утолить годами копившуюся жажду. Язык, шершавый и точный, закружился вокруг чувствительного пика, затем прижался к нему, пульсируя.

Волна ударила в ноги, заставив её слабо вскрикнуть. Она вцепилась пальцами в его волосы, не чтобы оттянуть, а чтобы прижать сильнее. Вторая его рука ласкала другую грудь, сжимала и отпускала упругую мякоть, и это двойное ощущение - влажный жар рта и твёрдые пальцы - сводило её с ума. Она стонала, низко, глубоко, её голос дребезжал в горле. Её тело извивалось у него в руках не в попытке вырваться, а в бессознательном, древнем ритме, подстраиваясь под каждый его жест, требуя больше.

Он перешёл ко второй груди, одаривая её тем же безжалостным, блаженным вниманием, пока первый сосок, оставленный без ласки, влажно блестел на холодном воздухе, пульсируя болезненно-сладкой пустотой. Его зубы слегка задели кожу, не кусая, а лишь обозначив возможность боли, и эта угроза, смешанная с наслаждением, заставило её выгнуться дугой, прижимаясь животом к его напряжённому члену.

Его взгляд, полный того же неистовства, скользнул по ней, и он издал низкий, сдавленный звук, в котором было всё: и восторг и та самая всепоглощающая страсть. Его губы стали опускаться ниже, и обрушились на её живот, целуя, кусая, лаская каждый сантиметр, спускаясь ниже, к тому месту, где её желание пульсировало горячей, влажной волной.

Не поцелуй, а скорее лёгкое, испытующее прикосновение - горячее дыхание, мимолётное касание. Но этого было достаточно, чтобы всё её тело вздрогнуло, как от удара током.

Затем последовал язык.

Первый, медленный, плавный проход снизу вверх. Нежный, но невероятно точный. Он был словно живое пламя, проводящее черту по самой сути её напряжения. Она резко вскрикнула, её пальцы впились в его волосы, не в силах решить - оттолкнуть или прижать.

Он не стал торопиться. Он исследовал. Его язык писал сложные, витиеватые буквы на её гиперчувствительной коже, нащупывая каждый сгиб, каждую неровность. Касался, отступал, снова возвращался, уже с большим давлением. Он нашел её бусинку и окружил его влажным, пульсирующим вниманием, не атакуя прямо, а лаская окружность, заставляя ожидание достигнуть точки кипения.

Алина практически потеряла сознание от наслаждения. Комната поплыла, края зрения потемнели. Весь мир сжался до этого крошечного, пылающего эпицентра, где властвовал его рот. Звуки - её собственные прерывистые стоны, хриплое дыхание, влажный, непристойный звук его ласк - доносились

будто из-под воды.

«Пожалуйста» - выдохнула она, сама не зная, чего просит: остановиться или никогда не заканчивать.

Он услышал. Его ласки стали целенаправленнее, ритмичнее. Язык задвигался быстрее, твёрже, сосредоточив всё внимание на самом чувствительном месте. Он ввел внутрь нее два пальца, загнув их вверх, найдя ту скрытую, едва уловимую точку, и синхронизировал их движения с работой языка.

Внутри неё всё натянулось, как струна, готовая лопнуть. Наслаждение перестало быть волнами - оно стало сплошным, белым, ревушим потоком, сметающим всё на своём пути. Она кричала, но звук застревал в горле, превращаясь в беззвучный, судорожный вопль. Её тело выгнулось, оторвавшись от стула и стены, на мгновение зависнув в воздухе, полностью во власти ощущений, которые он ей дарил. Сознание действительно померкло, вытесненное чистой, животной физиологией экстаза.

И только когда первая, самая мощная волна спадала, сменяясь долгими, сладкими судорогами, он медленно отстранился.

Но она не могла больше ждать. Не сейчас. Желание было

острым, режущим, требовало немедленного, грубого разрешения. Её руки вцепились в его волосы, нежно, но настойчиво потянув его вверх. «Нет - прошептала она хрипло. - Сейчас, нужно сейчас»

Его губы, мокрые от неё, снова нашли её губы в поцелуе, солёном от её кожи. Она могла вкусить на его языке собственную возбуждённость, и это было самым непристойным и самым возбуждающим открытием. Её руки металась по его спине запутываясь в ткани свитера, жаждая добраться до его кожи, чтобы оставить на ней такие же следы безумия.

Он понял. Встал, его руки обхватили её под ягодицы, легко приподняв. Она обвила его ногами, спина упёрлась в холодную стену. Он смотрел ей в глаза, и в его взгляде не осталось ничего, кроме концентрации и той же всепоглощающей страсти. Он одним сильным, уверенным движением вошёл в неё.

Это был не просто проникновение. Это было завоевание. Утверждение. Раздвижение не только её тела, но и той хрупкой, безумной реальности, что они создали в этой комнате. Его член, твёрдый, как сталь, и обжигающе горячий, казался ей огромным. Он вошёл преодолевая последнее сопротивление с почти болезненной, сладкой точностью.

Он замер на секунду, вонзившись в неё до предела, давая ей привыкнуть, ощутить всю полноту. Она могла чувствовать под ладонями, лежащими на его спине, как напряглись каждая мышца, как вздулись канатики вен на его шее. Он смотрел ей в глаза, и его взгляд был тёмным, лишённым теперь всякой мягкости, полным той же животной, всепоглощающей страсти, что пожирала и её.

Затем он начал двигаться. Первый толчок заставил её голову откинуться назад, ударившись о стену. Не больно. Это был якорь, точка опоры в море ощущений. Его ритм был не грубым, но неумолимым. Ровный. Глубокий. Каждое движение было выверенным, будто он стремился проникнуть в самую её суть, затронуть каждую скрытую точку. Он входил глубже с каждым толчком, и ей казалось, что он достигает мест, куда не добирался никто и никогда - не физически, а как-то иначе, задевая самые потаённые струны её одиночества.

Её ноги крепче обвили его поясницу, подтягивая его ещё ближе, принимая его ещё глубже. Её собственное тело стало ему союзником в этом саморазрушении. Она слышала их слитное дыхание, хлюпающие, влажные звуки их соединения, приглушённые стуком её спины о перегородку.

- Да, вот так - хрипел он на её шее, и его голос был сдавлен

страстью.

Она ничего не могла ответить, только стонала, кусая его плечо сквозь ткань свитера, чтобы не закричать. Мир распался на осколки: холод стены в спине, жар его кожи под её губами, невыносимое, растущее сладостное давление внизу живота, и это чувство члена внутри, заполняющего, растягивающего, раздвигающего её изнутри с каждым движением.

Он ускорился. Его ровный ритм сменился порывистым, отчаянным штурмом. Он терял контроль, и это было самой большой её победой. Видеть, как этот сдержанный, спокойный мужчина разбивается в прах о её тело. Его пальцы впились ей в ягодицы, почти больно, прижимая её к себе так, что между ними не оставалось и миллиметра.

Она почувствовала это первой - тот едва уловимый, но знакомый спазм, пульсацию в самом основании его члена, передающуюся ей. Его тело напряглось, как тетива.

- Я сейчас - успел он выдохнуть.

Он кончил с тихим, сдавленным рёвом, вогнав себя в неё в последнем, судорожном толчке. Она почувствовала, как внутри её разливается горячая волна. Сперма, обильная и живая, заполнила её, и это ощущение - столь интимное,

столь окончательное - стало последней каплей.

Её собственный оргазм нахлынул тут же, не как взрыв, а как долгое, мучительное, бесконечно сладкое обрушение. Её внутренности сжались вокруг него, выжимая из него остатки, и она кричала, зарываясь лицом в его шею, пока волны сотрясали её, медленно стихая, оставляя после себя лишь дрожь, липкий пот и влажный, плотный запах их греха.

Он оставался в ней ещё несколько мгновений, тяжело дыша, его вес почти полностью придавил её к стене. Потом медленно, очень медленно, выскользнул. Тёплая влага тут же вытекла по её внутренней стороне бедра, неприличным, неопровержимым доказательством страсти.

Это была не любовь. Это было землетрясение. Извержение вулкана. Полное уничтожение всего, чем она была до этого мгновения - офицера досмотра, одинокой женщины, жертвы собственных извращённых ритуалов. В этой комнате, на фоне смятых роз и висящих мундиров, она наконец-то чувствовала себя живой. Грешной, потерянной, но до безумия, до слёз живой.

Тишина, наступившая потом, была оглушительной. Слышно было только их хриплое, неровное дыхание. Он всё ещё держал её прижатой к стене, его лоб уткнулся в её плечо.

Она медленно разжала ноги, и он, поддерживая, опустил её на дрожащие колени.

Он первым нарушил тишину. Его голос был хриплым, приглушённым.

- Спасибо. Это был лучший секс в моей жизни, - выдохнул он.

Он сказал это не с придыханием страстного любовника, а с тихим, потрясённым удивлением. Как человек, внезапно нашедший в кармане старого пальто не мелкую монету, а бриллиант невероятной чистоты.

От этих слов у неё в груди что-то надломилось. Не больно. Словно лёд, сковавший её сердце на долгие годы, дал тончайшую, звонкую трещину. Это не было признанием в любви. Это было что-то гораздо более страшное и честное. Это была благодарность за падение. За то, что она своим безумием, своей истерикой, своей безудержной жадой позволила ему тоже сорваться с цепи. Разрушить что-то в себе. Прикоснуться к той дикой, животной, нецивилизованной части, которую так тщательно хоронил под слоями приличий, работы, нормальности.

Она вдруг с ужасающей ясностью поняла: он был таким же, как она. Не тем, кто пользуется ситуацией. А тем, кто так

же долго шёл по серому тоннелю.

Слёзы, острые и неожиданные, подступили к горлу. Не слёзы стыда или сожаления. А чего-то невыразимо горького и щемящего. Потому что «лучший секс в жизни» звучало как приговор. Пик. Апогей. После этого - только спуск. И его, и её ждало не совместное будущее, а холодный, жёсткий свет реальности за дверью, где он - пассажир с билетом, а она - сотрудник аэропорта, только что совершившая непростительное преступление.

Она не смогла ничего ответить. Только кивнула, сжав губы, чувствуя, как по её щеке скатывается первая предательская, горячая капля. Она повернулась, чтобы поднять с пола свою форму, и этот жест был красноречивее любых слов. Шоу окончено. Магия рассеивалась.

Она хотела сказать ему о многом, но петля судьбы снова накинута удавку на их будущее голосом из динамиков: Пассажир рейса “Краснодар - Москва” Ярослав Иванович Громов, срочно пройдите на посадку!

Они снова в спешке одевался и схватив свои вещи побежал по коридору на посадку.

Она снова осталась одна. Тяжелой волной накатила грусть одиночества. Она ни на что не надеялась.

Но его голос вернул её к жизни: “Я вернусь, кричал он на весь коридор”

И снова серые будни, но после всего произошедшего, они не казались бесконечной лентой уныния без конца и начала. Она ждала, и это чувство давало ей силы жить.

День за днём, неделя за неделей. Из монотонного ритма работы, её отвлек шум в очереди на досмотр. Судя по крикам, кто то пытался пройти без очереди.

“Очередной хозяйин жизни” - подумала она с раздражением.

Она подняла голову от экрана служебного компьютера. Мысли остановились. Слова застыли в горле. Он стоял напротив и улыбался.

- Позвони вечером - сказал он и протянул ей визитку с номером телефона. - Я встречу.

Сердце застучало пропустив пару ударов.

Ещё никогда в жизни она не ждала конца рабочего дня с таким нетерпением. Выйдя на улицу из шумного здания аэропорта, дрожащими от волнения пальцами набрала его номер.

- Привет, это я.

- Привет. Посмотри на право.

Она повернула голову и застыла в изумлении и восторге. Он стоял с огромным букетом роз и махал ей рукой.

- Я скучал - сказал он, когда она подошла.

- Я тоже.

- Ты веришь в любовь с первого взгляда - спросил он.

- Да, с нашей первой встречи.

- И я.

Она взяла его под руку, и они медленно пошли в сторону заходящего солнца, растворяясь в любви и осеннем ветре.

Мамина подруга

Звонок в дверь прозвучал ровно в назначенное время. Марина, поправляя прядь волос, которые она поправляла уже пятый раз за последние десять минут, глубоко вздохнула. Отошла от старого дивана, который безуспешно пыталась передвинуть в другое место последние полчаса, прошла мимо покосившегося шкафа с книгами. Посмотрела на себя в зеркало: джинсы, тапочки и короткий халат, который не жалко было, если он случайно порвётся, или вымажется.

“Ну наконец то у меня будет помощник!” - подумала она. А помогать больше было некому. Муж их бросил ещё десять лет назад, а другие мужчины, как то не приживались. Почему, она и сама не знала. Поэтому, пришлось просить подружку о помощи. Спасибо Ольге, она уговорила своего сына ей помочь. Но открыв дверь, она на миг потеряла дар речи.

Это был не «мальчик». Она не видела его последние пять лет, и ожидала, что придёт худощавый, стеснительный подросток. Но, как же она ошиблась! На пороге стоял молодой мужчина. Высокий, с широкими плечами натянувшими тонкую ткань серой футболки. Улыбка была открытой, а в светло-карих глазах читалось не подростковое смущение, а спокойная, почти ленивая уверенность.

- Тётя Марина, здравствуйте, - голос был низким, приятным. - Мама сказала, что вы одна не справляетесь с мебельным апокалипсисом. Вот, пришёл вам помочь.

- Здравствуй, Лёша - ответила она пропуская его внутрь. - Не апокалипсис, конечно, но небольшой катаклизм. Спасибо, что откликнулся.

Он переступил порог, и пространство прихожей будто сжалось. Он окинул взглядом интерьер - светлый, выдержанный в бежево-серых тонах, с парой акварелей на стене.

- Классно у вас, - сказал он, и его комплимент прозвучал не как вежливая формальность от юнца, а как искреннее замечание взрослого человека. - Уютно. И картины красивые, чувствуется вкус.

- Спасибо. Ну, эпицентр бардака вот тут, - она махнула рукой в сторону гостиной, где старый книжный шкаф уже стоял под углом, а диван ждал своей участи в центре комнаты.

Работа закипела. Алексей снял кроссовки, остался в носках, и Марина невольно отметила ловкость его движений. Он не таскал мебель с натужным рыком, а оценивал вес, находил точку опоры, двигал шкаф почти бесшумно, играючи напрягая мышцы спины и рук. Запах его - чистого хлопка, мужско-

го дезодоранта и лёгкой, здоровой испарины - начал медленно заполнять пространство, смешиваясь с ароматом её кофе и старого дерева.

- Тащи на себя, я направляю! - командовала она, упираясь в торец шкафа. Их взгляды встретились поверх стопки книг. Он улыбнулся.

- Есть, капитан.

Они смеялись, когда диван никак не хотел вписываться в задуманную нишу, и вместе придумывали, как обхитрить несоответствие размеров. Марина ловила себя на том, что забыла о возрасте, о социальных ролях. Она просто чувствовала его силу рядом - надёжную, горячую. А он, в свою очередь, отмечал её ловкость, чёткость указаний и ту лёгкую, почти девичью гибкость, с которой она изворачивалась, чтобы подложить подпорку или поддержать дверцу.

Между ними возникла странная, игривая синхронность. Они двигались в такт, предугадывали действия друг друга. И когда его пальцы ненадолго легли поверх её, чтобы вместе подцепить край ковра, она не отдернула руку. Он тоже не спешил убирать свою.

“Врят ли это что то значит” - подумала она. Он просто случайно положил свою руку на мою. Ему двадцать один, а

мне сорок два. Они, на таких как я даже не смотрят.

Потом пришла очередь разобрать завал в кладовке. Это было царство забытых вещей, коробок с новогодними игрушками и старой техники.

- Стратегический объект, - усмехнулся Алексей, заглядывая в узкий проход. - План такой: я залезаю, вы подаёте, я складываю.

- Держу кулачки, чтобы тебя не завалило, - парировала Марина.

Теснота была невыносимой. Они стояли так близко в полумраке, освещённые только светом из гостиной, что Марина чувствовала исходящее от него тепло всем телом. Воздух стал густым, сладким от пыли и этого внезапного, обострённого соседства. Они передавали коробки, их руки касались, плечи сталкивались. Смех теперь был приглушённым, нервным.

- Держите, это последняя, - прошептала она, протягивая ему плоскую коробку.

- Сейчас, надо её вот сюда, - его голос прозвучал прямо над её ухом, низко и вибрирующе.

И тогда случилось это. Чтобы протиснуться мимо неё к дальнему углу, ему нужно было повернуться боком. Но он повернулся не совсем боком. Он развернулся к ней спиной и, пробираясь в щель между стеной и стеллажом, прижался к ней. Не случайно, не мельком. Это был медленный, осознанный, затянувшийся жест. Всей плоскостью своей спины, всей мощью разогретого работой тела он притиснул её к косяку двери.

Марина замерла. Тепло, исходившее от него, обожгло её сквозь тонкую ткань халата. Грудь расплющилась под напором мужской силы и сладко заныла. Она почувствовала каждую мышцу его спины, упругость его тела. Мыслей не было. Было только это ощущение - всепоглощающее, животное. И осознание, вспыхнувшее яркой, ослепительной молнией в темноте её сознания: Он это сделал намеренно.

И вместо того чтобы отпрянуть, смутиться, вскрикнуть, её тело приняло этот вес. Более того, она сама, почти незаметно, наклонилась вперёд, усиливая контакт на какую-то долю секунды. Её дыхание перехватило. И в этой тишине, в этом тесном пространстве, она услышала, как его собственное дыхание - ровное и глубокое всего минуту назад - резко сбилось, стало чуть более прерывистым.

Искра, тлеющая с момента его прихода, вспыхнула ярким, опасным, невероятно соблазнительным пламенем.

Он двинулся дальше, словно ничего не произошло. Но напряжение, висевшее в воздухе кладовки, уже нельзя было разрезать ножом. Его можно было только разрядить.

- Всё - его голос снова прозвучал из темноты, но теперь в нём была новая, хрипловатая нота. - Можно выбираться из этой ловушки.

Марина, не говоря ни слова, отступила, давая ему пройти. Когда он вышел на свет, их взгляды встретились. В его глазах не было ни извинения, ни растерянности. Там был вызов. И вопрос. А в её ответном взгляде, как поняла Марина, читалось всё, кроме отказа.

Тишина, повисшая после выхода из кладовки, была гулкой, плотной, наполненной невысказанными словами и отзвуками того самого, затянувшегося прикосновения. Они стояли в полумраке прихожей, и Марина, оперевшись ладонью о прохладную стену, чувствовала, как кровь стучит в висках скорым, лихорадочным ритмом. Она должна была отвести взгляд, сделать вид, что ничего не случилось, засмеяться нелепой шуткой. Но её тело, пробудившееся ото сна, отказалось подчиняться условностям.

Она подняла глаза и встретила его взгляд.

Алексей не смотрел в пол. Он смотрел прямо на неё. Его карие глаза, обычно светлые и насмешливые, теперь казались тёмными, почти чёрными. В них не было ни тени стыда или неловкости. Была концентрация. Любопытство охотника, оценивающего добычу, которая, кажется, сама вышла на тропу. И азарт. Тот же самый азарт, что вихрем кружил в её собственной груди, вытесняя здравый смысл.

Этот молчаливый обмен взглядами длился всего три секунды. Но за эти секунды между ними протянулась незримая нить понимания. Что-то произошло. И оба это признали. Марина почувствовала, как уголки её губ сами собой поползли вверх в едва уловимой, сговорчивой улыбке. В ответ его глаза сузились, в них мелькнул огонёк.

Слов не потребовалось. Игра началась.

«Коробка с книгами ещё в кладовке, на верхней полке», - сказала Марина, и голос её прозвучал хрипловато, но уверенно. Она не отворачивалась, продолжая смотреть на него.

Алексей кивнул и снова нырнул в темноту кладовки. Марина не стала ждать снаружи. Она последовала за ним, будто

притянутая магнитом. Пространство снова сжалось, наполнилось его близостью. Он тянулся к высокой полке, мышцы спины напряглись под футболкой. Марина стояла сзади, наблюдая, чувствуя исходящий от него жар.

«Держи», - он протянул ей картонную коробку, не оборачиваясь.

Она приняла груз, и в этот момент его свободная рука, опускаясь вдоль тела, скользнула по её спине. Не поглаживание, нет. Скорее, твёрдое, целенаправленное проведение раскрытой ладонью от лопатки до талии. Жест был настолько быстрым и естественным, что его можно было принять за случайность в тесноте. Но это не было случайностью. Это был вопрос, брошенный на языке кожи и нервных окончаний. «Ты чувствуешь?»

Марина задержала дыхание. Электрический разряд от его прикосновения пронзил её насквозь. Вместо того чтобы отшатнуться, она, передавая коробку через порог, сама сделала шаг вперёд. Её плечо мягко, почти невесомо упёрлось в его бицепс.

Он обернулся. Их лица оказались в сантиметрах друг от друга. В кладовке пахло им - теплом, потом, мужчиной. И её духами, которые теперь казались ей непереносимо сладкими.

«Кажется, это всё», - прошептал он, и его дыхание коснулось её губ.

«Кажется», - согласилась она, не отодвигаясь.

Они вышли, и напряжение не рассеялось, а лишь перешло в новую, более опасную фазу. Каждое их движение стало частью немого диалога. Когда она протискивалась мимо него, чтобы протереть пыль со стола, её бедро намеренно, на долю секунды дольше необходимого, прижалось к его бедру. Когда он подавал ей открученную ножку от дивана, его пальцы обхватили её запястье, задержав передачу, - крепко, ощутимо.

Марина ловила каждый его взгляд, каждый жест. Она видела, как его внимание, ранее рассеянное по комнате, теперь сфокусировалось исключительно на ней. Видела, как его глаза останавливаются на изгибе её шеи, на движении рук, на линии бёдер в облегающих джинсах. И сама позволяла своему взгляду путешествовать по нему: по сильным предплечьям, по плоскому животу, по тому месту, где ткань брюк начала заметно натягиваться, выдавая его состояние.

Вместо смущения её охватило головокружительное чувство власти. Она сделала это. Её присутствие, её ответные намёки довели его до такого состояния. И это знание раз-

жигало её собственное желание, превращая его из тлеющего уголька в настоящий пожар. Она хотела видеть, как далеко сможет зайти эта игра.

Он наклонился, чтобы поднять разобранную спинку кровати, и штаны натянулись ещё сильнее, чётко обрисовывая форму члена. Марина не отвела глаз. Наоборот, когда он выпрямился и поймал её взгляд, она не смутилась. Она медленно, намеренно обвела взглядом его промежность, затем подняла глаза на его лицо и улыбнулась. Улыбкой невинной, а знающей, принимающей, даже одобряющей. «Я вижу. И это меня заводит».

Алексей замер с тяжелой деталью в руках. Он не опустил глаза, не попытался прикрыться. Вместо этого он лишь приподнял одну бровь, и в уголке его рта дрогнул тот самый дерзкий, понимающий полу смех.

Воздух в комнате стал густым, как сироп. Каждое движение, каждый звук - скрип паркета, их собственное дыхание - отдавалось в ушах приглушённым, но усиленным гулом. Им нужно было разрядить ситуацию, или она взорвётся сама.

«Стол» - наконец сказала Марина, указывая на старый раздвижной стол, который нужно было укоротить, открутив лишние секции. «Нужно снять эту часть. Инструменты там». Она кивнула на ящик с ключами и отвёртками.

Алексей молча взял нужный ключ и скользнул под массивную столешницу. Теперь он был в самом уязвимом положении - лёжа на спине, сосредоточенный на механизме, привинченном к нижней части стола. Для Марины это был решающий момент. Вид его тела, растянувшегося на полу, - мощные ноги, плоский живот, тень мышц, играющих под футболкой, когда он тянулся к болтам, - всё это слилось в одну непреодолимую картину желания.

Это было уже не просто возбуждение, вызванное флиртом. Это было физическое, почти болезненное стремление. Оно вытеснило последние островки сомнений. Её разум, обычно такой осторожный, аналитический, теперь работал с кристальной, животной чёткостью. Она знала, чего хочет. И знала, что он хочет того же. Сигналы были прочитаны верно. Оставалось только действовать.

Она подошла и присела на колени рядом с ним, у изголовья. Он перестал работать ключом и посмотрел на неё снизу вверх. В его глазах не было вопроса. Было ожидание. Напряжённое, терпеливое, готовое ко всему.

Марина не сказала ни слова. Её ладонь легла на его живот, чуть ниже пупка, чувствуя под тканью жар и напряжение мышц. Он резко вдохнул, но не пошевелился. Его взгляд

приковался к её лицу.

Она чувствовала, как дрожат её собственные пальцы, но движение было твёрдым. Большим пальцем она зацепила пояс его штанов, потом - резинку хлопковых боксеров под ними. Взгляд её был пристальным, почти гипнотическим, не отрывающимся от его глаз. Она видела, как в них вспыхивают искры, как зрачки расширяются, поглощая радужку.

Затем, одним решительным, сильным движением, она стащила и штаны, и трусы вниз, к коленям, освобождая его. Холодный воздух и её дерзкий взгляд коснулись его кожи одновременно.

Он ахнул, коротко и глухо. Его руки разжались, ключ со звоном упал на паркет. Он не сделал ни малейшей попытки прикрыться, остановить её. Он лишь уставился на неё, дыхание сбилось, грудь вздымалась. На его лице смешались шок, потрясение и неподдельная, жадная признательность за её смелость.

Марина скользнула взглядом вниз, на доказательство его желания, такое же явное и прямое, как и её собственный поступок. И снова подняла глаза на него. Теперь в её улыбке не было намёка. Была только решимость.

«Кажется, - сказала она тихим, хриплым от возбуждения голосом, в котором дрожала победа, - мы нашли кое-что поинтереснее, чем перестановка мебели».

Марина не сводила с него глаз, её рука всё ещё лежала на его животе. Она чувствовала, как под её ладонью вздрагивают мышцы. Её пальцы медленно, почти невесомо, скользнули вниз, коснувшись тёплой, напряжённой кожи его внутренней поверхности бедра. Он снова резко вдохнул, и это звучало как рык, застрявший в горле. Его взгляд был замороженным, полным немого вопроса и всепоглощающего согласия.

Её пальцы обрели уверенность. Она скользнула выше, обвила его основание ладонью. Кожа под её прикосновениями была бархатистой, невероятно горячей, пульсирующей. Марина сжала чуть сильнее, провела снизу вверх, медленно, изучающе. Он закрыл глаза на секунду, из его груди вырвался приглушённый стон.

Она продолжала это движение, устанавливая ритм: неспешный, манящий, с лёгким скольжением. Всё её внимание было сосредоточено на нём, на его реакции. На том, как напряглась его шея, как сжались кулаки по бокам тела. На коротких, прерывистых выдохах, которые становились всё громче.

- Марина... - прохрипел он, открывая глаза. В них была буря. Не сомнение, а мольба, предвкушение и неистовство.

Она не ответила, только наклонилась ниже. Её дыхание коснулось его кожи, и он вздрогнул всем телом. Она увидела всё в мельчайших деталях: блеск смазки на головке, тонкую сеточку вен, судорожно задёргавшуюся мышцу на его бедре. Запах - чистый, острый, мужественный - ударил ей в голову, окончательно сметая остатки каких-либо барьеров. Это был запах его желания, и он был пьянящим.

Она обхватила его ладонью у основания, зафиксировала, а затем кончиком языка, осторожно, как бы пробуя, коснулась самой чувствительной точки.

Он дёрнулся, будто от удара током. Его ноги непроизвольно раздвинулись шире.

Марина улыбнулась этому неконтролируемому отклику. Она повторила движение, теперь уже увереннее, задерживаясь, ощущая под языком тончайшую, невероятно чувствительную кожу. Потом провела плоской частью языка снизу доверху по всей длине. Он застонал уже открыто, и этот звук, низкий, хриплый, полный отдачи, наполнил её собственной гортань ответным жаром.

Она взяла его в рот. Не сразу, не полностью. Сначала только четверть. Губы плотно обхватили её, язык продолжал свою работу - круговые движения, надавливания, лёгкие посасывания. Она подняла глаза и увидела его лицо. Глаза были широко раскрыты, губы полуоткрыты, взгляд потерянный, невидящий, устремлённый куда-то в потолок. Казалось, он забыл, где находится, кто он, кто она. Существовало только это - её горячий, влажный рот и лавина ощущений.

Марина ускорила ритм, глубже поглощая его, помогая себе рукой, которая работала в такт. Она слышала каждый свой вдох, каждый его прерывистый выдох, хлюпающие, неприличные, невероятно возбуждающие звуки. Она сама была на грани, её собственное тело пылало, между ног пульсировало влажным, требовательным огнём. Но сейчас всё её внимание было направлено на него. Она хотела довести его до края, видеть, как он теряет контроль. Его руки нашли её голову. Пальцы вцепились в волосы, но не толкали, не направляли. Они просто держались, как за якорь в шторме, судорожно сжимаясь и разжимаясь. Его бёдра начали двигаться в такт ей, произвольные, короткие толчки навстречу.

- Я... я не... - он пытался что-то сказать, предупредить, но слова рассыпались на слоги, превращаясь в одни лишь гортанные звуки.

Она поняла. И это было именно то, чего она хотела. Она прибавила темп, сделала движения рукой более уверенными, решительными. Рот работал без устали, губы обжигались, но это только подстёгивало. Она упивалась своей властью, своей способностью довести его до такого состояния.

Его дыхание превратилось в сплошной прерывистый звук удовольствия. Мышцы всего тела напряглись до предела, будто его било током. Пальцы в её волосах впились с такой силой, что было больно, но эта боль лишь подлила масла в огонь.

- Марина! - его крик, отчаянный, сдавленный, сорвался с губ не словом, а чистым воплем плоти.

И она почувствовала, как он вздрагивает всем телом, глубоко, конвульсивно. Её губы и язык приняли всё - каждый спазм, каждую пульсацию, каждую каплю. Она не отстранилась, продолжая работать рукой и ртом до самого конца, пока судороги не стихли, а его тело не обмякло на полу, тяжело дыша.

Она медленно отстранилась, всё ещё держа его в руке, и посмотрела на парня. Он лежал с закрытыми глазами, лицо было залито румянцем, на лбу и висках блестел пот, губы

приоткрыты. Выглядел он опустошённым, абсолютно беззащитным и невероятно прекрасным в этой своей животной отдаче.

Потом он открыл глаза. Взгляд был мутным, не сразу сфокусировавшись на ней. Он смотрел на неё, на своё семя, блестящее на её губах и подбородке. И в его глазах не было ни отвращения, ни смущения. Было изумление. Бездонное, благодарное изумление.

Он поднял дрожащую руку и большим пальцем, очень медленно, с невероятной нежностью, стёр каплю с её уголка рта.

Этот жест, такой интимный и шокирующий, заставил Марину содрогнуться от нового, острого удара желания.

- Твоя очередь, - прошептал он хрипло, и в его голосе снова появилась та самая дерзкая, обещающая нота. Он встал, рука потянулась к её джинсам.

Его пальцы дрожали, но движение было уверенным. Пряжка на её джинсах поддалась со щелчком, который в гулкой тишине комнаты прозвучал оглушительно громко. Змейка, расходившаяся под его нажимом, - шуршащий, интимный звук.

Мысль о том, чтобы остановить его, даже не мелькнула в её голове. Но когда его ладони легли на её бёдра, скользнули под ткань и начали стягивать вниз джинсы вместе с тонкими кружевными трусиками, Марину вдруг пронзила ледяная стрела сомнения. Оно проросло сквозь густой туман возбуждения и жало, как игла.

Она стояла перед ним почти обнажённая, а ему всего двадцать один год, с телом отточенным спортом и молодостью. Она - сорок два. Роды, годы, жизнь оставили на ней свои следы. Не катастрофические, нет. Она следила за собой. Но это была неидеальная, взрослая женственность. Неприкрытая, без темноты и полутонов кладовки, под безжалостным дневным светом, падающим из окна.

Джинсы и трусики улетели на диван. Она осталась в коротком домашнем халатике, распахнутом теперь до самого низа, и в тёмно-синем бюстгальтере с кружевом, который внезапно показался ей глупым, слишком отчаянно кокетливым. Её ноги, живот, бёдра - всё было открыто его взгляду.

Она видела, как его глаза, ещё мутные от недавней разрядки, снова обретают фокус. Как они медленно, с невыносимой подробностью, скользят вниз по её телу. Марина застыла, затаив дыхание. Внутри всё сжалось в комок стыдливой тревоги. Он молчал. Молчал слишком долго.

И вдруг он тихо сказал, не насмешливо, а искренне впечатлённый.

- Боже, Марина, какая же ты красивая!

Его руки легли ей на талию, обхватили её, скользнули на бёдра. Это был не грубый захват, а изучение. Как будто он впервые касался чего-то драгоценного и хрупкого.

- Я думал... ну, не знаю, что думал. Но не это.

Он наклонился, и его губы коснулись её шеи. Поцелуй был лёгким, почти невесомым, но он заставил её кожу вспыхнуть. Его ладони двинулись вверх, под халат, к застёжке бюстгальтера на спине. Ловкие пальцы справились с крючком за секунду. Марина почувствовала, как тесная ткань ослабла.

Он не стал стаскивать его сразу. Сначала он просто отвёл чашки в стороны, освобождая грудь. И снова замер, глядя.

Марина закрыла глаза. Ей было невыносимо стыдно и страшно. А потом она услышала его голос, низкий, полный неподдельного, почти благоговейного восхищения:

- Какие же они классные!

Она открыла глаза. Он смотрел не на неё, а на её грудь,

и в его взгляде не было критики или оценки. Был чистый восторг. Он коснулся кончиками пальцев кожи над грудью, там, где проступала тонкая сеточка вен.

- Совсем не такая, как у девушек... - пробормотал он, и она внутренне сжалась, ожидая удара. Но он закончил: - она настоящая. Живая. И форма идеальная.

Его ладонь накрыла одну грудь полностью. Тяжесть, тепло, шершавость его кожи - всё смешалось в одном чувстве. Он осторожно сжал, проверив упругость, а потом большим пальцем начал водить по ареоле, медленно, гипнотически, словно вырисовывая невидимые узоры.

От этого прикосновения по её телу пробежала судорога наслаждения. Сосок, уже твёрдый от возбуждения, под пальцем стал каменным, болезненно чувствительным. Она вскрикнула, коротко и глухо. Дыхание её участилось, стало прерывистым. Румянец, который она чувствовала только на щеках, разлился по всему телу, от шеи до самой груди, окрасив кожу в тёплый цвет смущения.

Его смелость, его спокойное, властное восхищение лишили её остатков скованности. Когда он наклонился и взял другой сосок в рот, обхватив его губами и пустив в ход язык, её сознание на секунду поплыло. Она вскрикнула снова, её руки сами потянулись к нему.

Её пальцы вцепились в мощные мышцы его спины, ощущая каждый рельеф, каждую впадину. Она скользнула ниже, к ягодицам, упругим и твёрдым, почувствовала, как он вздрогнул от её прикосновения. Это дало ей новую смелость. Она позволила себе притянуть его ближе, почувствовать всей кожей живота его горячую жесткость.

Его рука оставила её грудь, скользнула вниз, по её животу, к тому месту, где всё её тело кричало о необходимости прикосновения. Но он остановился, ладонь лежала на лобке, и его глаза снова встретились с её глазами.

- Ты уверена? - спросил он тихо, и в его голосе была не неуверенность, а последняя проверка, последнее предоставление ей права выбора.

Марина ответила не словом. Она взяла его руку и уверенно повела вниз, туда, где её плоть уже была влажной и горячей, распахнутой для него. Её взгляд, тёмный от желания, был ответом красноречивее любых клятв.

Его рука уступила её настойчивому движению, скользнула ниже, в горячую влажную щель. Вздох, который он издал, был похож на стон облегчения и торжества. Он ощутил то, что уже знал - она была готова, жаждала его, её тело отзывалось на каждый намёк с лихорадочной щедростью.

- Боже, Марина - прошептал он, и его голос сорвался. Пальцы коснулись её, нежно, почти робко, исследуя.

Она стонала, запрокидывая голову назад, когда его подушечка нащупала напряженный, пульсирующий клитор. Круговое движение, легкое, но точное, заставило её всё тело выгнуться дугой. Она извивалась под его рукой, не в силах найти покой, её бедра сами искали большего контакта, большего давления.

- Вот так, да - бормотала она сама не зная что, её слова были обрывисты, превращались в одни гласные.

Его палец, ещё один, скользнул ниже, легко, без сопротивления вошёл внутрь. Его встретили горячие, бархатистые стены, сжавшиеся вокруг него в судорожном объятии. Марина вскрикнула, её ногти впились ему в плечи. Он начал двигать им, медленно, глубоко, в такт ласкам клитора другим пальцем.

Ощущения были сокрушительными. Волна за волной накатывали оттуда, из самого центра, где его рука творила с ней что-то невообразимое. Она не контролировала своё тело, оно жило своей собственной, дикой жизнью под его пальцами. Каждое движение его руки, каждый поворот запястья

отзывался в ней глухим гулом наслаждения. Она металась, её дыхание было хриплым, как у загнанного зверя, а в ушах стоял собственный непрерывный стон.

- Лёша - вырвалось у неё, и в этом имени была и мольба, и признание.

Он наклонился, прижался губами к её шее, к ключице, продолжая свою работу рукой. Его дыхание обжигало кожу.

- Чего ты хочешь? - прошептал он ей в ухо, и в его голосе снова зазвучала та самая дерзкая нотка.

- Говори.

Она была на грани. Его пальцы сводили её с ума, доводили до той черты, за которой начиналось падение. Но этого было мало. Страшно мало.

- Возьми меня - выдохнула она, и это не было просьбой. Это была мольба, вырванная из самой глубины, хриплая, не терпящий возражений. - Прямо сейчас. Пожалуйста.

Это «пожалуйста» сорвавшееся в конце, обнажило всю её уязвимость, всю силу её желания. Он замер на секунду, его пальцы внутри неё тоже. Потом он медленно, почти неохотно, извлек их. Марина бессильно ахнула от пустоты.

Он приподнялся над ней, его глаза пылали. Он был снова готов, возбуждён, и вид его, решительного, покрытого лёгкой испариной, был самым прекрасным, что она видела.

- Как? - спросил он просто, давая ей последний выбор, последнюю власть.

Она, тяжело дыша, оттолкнулась от пола, повернулась к нему спиной, оперлась о стол, который они так и не разобрали. Её спина выгнулась, ягодицы были приподняты, всё её тело было одним сплошным, немым приглашением.

- Вот так, - сказала она, глядя на него через плечо. В её взгляде не осталось и тени сомнения или стыда. Только жажда. - Возьми меня.

Взгляд его, скользнувший по изгибу её спины, по приподнятым ягодицам, стал окончательно диким, лишённым даже намёка на юношескую нерешительность. Он был мужчиной, и вид её позы, такой подчинённой, был последним камнем, сорвавшим лавину.

Он подошёл сзади, и Марина почувствовала не просто его близость, а наэлектризованное пространство между ними. Его руки легли ей на бёдра, большие пальцы впились в мягкую плоть, и это владение заставило её содрогнуться. Она почувствовала, как он, упёршись головкой в её влажную, го-

товую промежность, на секунду замер, как бы смакуя этот миг. Его дыхание было горячим на её коже.

И тогда он вошёл. Не одним резким толчком, но и не с нерешительной медлительностью. Это было одно мощное, глубокое, бесповоротное движение, заполнившее её полностью, до самых пределов. Воздух вырвался из её лёгких хриплым, прерывистым криком - не боли, а чистейшего, животного наслаждения. Да. Вот так.

Он замер, вогнав в неё себя до конца, давая ей привыкнуть к его размеру, к ощущению абсолютного вторжения и абсолютной гармонии. Марина опустила голову, её пальцы вцепились в край стола до побеления костяшек. Внутри всё было зажато вокруг него, пульсировало, жило.

- Марина - его голос за её спиной был полон благоговеющего ужаса и восторга. - Ты невероятна...

Потом он начал двигаться. Сначала медленно, почти лениво вытягиваясь почти до конца и снова погружаясь в её горячую, сжимающуюся влагу. Каждый толчок отдавался глухим ударом где-то в самом её нутре, заставляя её произвольно отзываться коротким, хриплым стоном. Звуки, которые они издавали, были неприкрытыми и громкими: шлёпанье кожи о кожу, её прерывистые выдохи, его дыхание.

Он набрал темп. Его руки крепче впились в её бёдра, теперь уже не просто держа, а направляя, притягивая её навстречу каждому своему движению. Ритм стал твёрже, быстрее, безжалостнее. Стол под ней скрипел и содрогался, её грудь колыхалась в такт этим яростным толчкам.

Марина перестала думать. Её мир сузился до двух точек: до жаркого удара внутри, где он терся о какую-то невероятно чувствительную точку с каждым проникновением, и до сильных рук на пояснице. Ощущения складывались в одну сплошную, ослепляющую волну.

- Да, вот так, сильнее - выкрикивала она, сама не узнавая свой голос - хриплый, разбитый, по-звериному требовательный.

Он отвечал не словами, а действием. Его движения стали ещё жёстче, почти яростными. Одна его рука отпустила её бедро, проскользнула под её живот, впились пальцами в её лобок, обеспечивая ей ту точную, необходимую точку давления, которую она отчаянно искала. Это было последней каплей.

Оргазм накатил на неё не как взрыв, а как прорыв плотины. Он начался глубоко внутри, в том самом месте, где он

терся о неё, и разлился огненной волной по всему телу, сжимая его в судорожных спазмах. Она закричала, не стесняясь, дико и протяжно, её тело изогнулось в невозможной дуге, а потом обмякло, повиснув на его руках, продолжая мелко, произвольно дёргаться вокруг него.

Он не остановился. Его собственный ритм сорвался, превратился в отрывистые, жадные толчки, уже почти без контроля. Её внутренние спазмы, должно быть, свели его с ума. Он сделал ещё несколько резких, глубоких движений, и на одном из них его тело вдруг вздрогнуло всем корпусом. Он вогнал член в неё до самого предела, упёрся лбом в её лопатку, и из его горла вырвался не рык, а хриплый, сдавленный звук, полный облегчения.

Аня почувствовала это. Чувствовала, как в самой глубине её, там, где он касался её самой сокровенной точки, начались мощные, горячие толчки - ритмичные пульсации его члена, выплёскивающего в неё своё семя. Каждый выброс заставлял его всё тело конвульсивно вздрагивать, а его пальцы впивались ей в плоть. Она чувствовала, как что-то жидкое и очень тёплое разливается внутри, заполняя её. Эти последние, затихающие судороги его плоти, вызвало в её почти опустошённом теле новый, глубокий внутренний отклик - тихую, вибрирующую волну, похожую на эхо его собственной разрядки.

Они замерли так: он, тяжело дыша, всем весом наклонившись на неё; она, без сил, пригвождённая к столу. Тишину нарушало только их синхронное дыхание.

Первым пошевелился он. Он медленно, осторожно вышел из неё. Марина ахнула от пустоты и ослабления напряжения. Его руки мягко помогли ей отойти от стола, развернули к себе. Она едва стояла на ногах, её колени подкашивались.

Он смотрел на неё. На её растрёпанные волосы, на лицо, залитое румянцем и блестящее от пота, на полуприкрытые, сияющие глаза. В его взгляде не было триумфа. Было что-то более сложное. Глубокое потрясение. Изнеможение. И какая-то новая, молчаливая нежность.

Он обнял её, просто прижал к своей груди, к горячей, влажной от пота коже. Она прильнула к нему, чувствуя, как бьётся его сердце - часто-часто, в такт её собственному. Они стояли среди разобранной мебели, в луче послеобеденного солнца, два абсолютно голых человека, и в этом не было ничего комичного. Была только яркая реальность того, что только что произошло.

Он поцеловал её в макушку.

- Ну что - прошептал он хрипло, и в его голосе снова, как

эхо, прозвучала та самая дерзость, но теперь приглушённая, личная. - Мебель -то мы так и не переставили.

Марина тихо рассмеялась, зарылась лицом в его шею.

- Зато кое-что другое сдвинулось с мёртвой точки. Очень основательно.

Они стояли так, пока дыхание не выровнялось. Потом Алексей, не отпуская её, наклонился, поднял с пола её халат и накинул ей на плечи. Сам же натянул свои штаны.

Он снова посмотрел на неё, и в его глазах был уже прямой, недвусмысленный вопрос - это был разовый проект помощи? Или доделывать будем?

Марина затянула пояс халата, чувствуя, как на её губах расцветает медленная, счастливая, немного безумная улыбка. Страх не было. Было предвкушение.

- Стол ещё шатается - сказала она, глядя на разобранную столешницу. - И шкаф не на своём месте. Боюсь, придётся ещё потрудиться, я думаю, даже не один день.

- Да уж, работы конечно много, до самого нового года, как минимум - ответил он.

- Даже спорить с тобой не буду - со счастливой улыбкой ответила она. - Пойдём в ванную, спинку тебе потру, мой герой.

Ключи и свечи

Тишина в квартире Анны была густой, осязаемой, и нарушало её лишь мерное постукивание механической клавиатуры да ленивое урчание кота на подоконнике. Последний абзац отчёта упорно не хотел складываться в связные мысли.

Аня откинулась на спинку кресла, потянулась, и взгляд её, как по давно накатанной колее, упёрся во входную дверь. Не в небо, затянутое осенней дымкой, и не на голые ветки каштана во дворе. А прямо на противоположную сторону их лестничной площадки. Она смотрела так, словно входная дверь её квартиры не являлась для неё преградой.

Она словно наяву видела её, дверь под номером 38. Дверь, которая открывалась в среднем два раза в день, и каждый раз это событие заставляло сердце Анны совершать маленький, глупый кульбит.

Ярослав. Сосед. Переехал три месяца назад, и с тех пор её мир, и без того компактный из-за фриланса, сжался до размеров этажа. Он был не просто симпатичным. Он был... идеальным. В том самом, слегка абстрактном смысле, который рисует воображение одинокой девушки в тишине вечеров. Высокий, с правильными чертами лица, которые она успела рассмотреть в тот единственный раз, когда он, занося диван,

улыбнулся ей растерянной, извиняющейся улыбкой.

Он носил не спортивные костюмы, как предыдущий жилец, а простые, но явно качественные вещи: тёмные джинсы, тёмные свитера, тёмное пальто. Он негромко говорил по телефону в лифте и не бросал пакеты с мусором мимо контейнера. Он был загадкой, молчаливой и недостижимой, как герой из чёрно-белого фильма, случайно зашедший в её цветную, но такую обыденную реальность.

Работа из дома, которая раньше казалась благом - никаких офисных интриг, никаких дурацких корпоративов, - теперь обернулась ловушкой. Она стала сторожем у собственного окна. Её график подстроился под смутно уловимый распорядок его жизни. В десять утра он выходил на работу (архитектор? программист? финансист? - её теории менялись еженедельно). В семь-восемь вечера возвращался, иногда с портфелем, иногда с пакетом из магазина у метро. Между этими событиями лежала пустыня её дня, которую она пыталась заполнить работой, сериалами и бесполезным ожиданием звука лифта.

И вот сегодня, в четырнадцать тридцать, случилось чудо. Дверь напротив открылась. Аня инстинктивно втянула голову в плечи, подбежала к глазку двери, стала жадно наблюдать. Он вышел выбросить мусор. В сером свитере с высоким

воротом, с пакетом в руках. Вышел не к лифту, а к мусоропроводу, который находился аккуратно напротив её двери. Горячая волна ударила ей в лицо. Мусор! Надо вынести мусор!

Действуя на чистом адреналине, она сбросила с колен кофта, который возмущённо «мяукнул», и рванула на кухню. Схватила первое, что попало под руку - полупустую упаковку из-под печенья, пустую банку из-под кофе, всё это засунула на бегу в какой то пакет, и на ходу поправляя хвостик, выскочила в подъезд.

Он как раз отходил от мусоропровода. Их взгляды встретились. У неё перехватило дыхание. Так близко. Он пахнет кофе и каким-то дорогим лосьоном после бритья.

- Здравствуйте, - выдавила она, и голос прозвучал пискляво и неестественно.

- Здравствуйте, - кивнул он. Коротко, вежливо. Его глаза скользнули по её лицу, по растерянно сжатому в руке пакету, и... всё. Он повернулся, достал ключи и скрылся за своей серой дверью.

Щелчок замка прозвучал как приговор.

Вернувшись в квартиру, Аня прислонилась спиной к две-

ри и зажмурилась. «Здравствуйте». Всего одно слово. Но она расцветала. Внутри всё пело и ликовало. Он сказал «здравствуйте»! Не просто кивнул, как в лифте на прошлой неделе, а сказал! И смотрел. Целую секунду, не меньше. Она проанализировала его взгляд: он был задумчивым? Или усталым? Может, он заметил, что она в домашних лосинах и огромной кофте? Может, это был взгляд лёгкого осуждения? Нет, скорее, нейтральный. Но нейтральный - это уже хорошо. Это лучше, чем сквозь.

Маркиз, величественный рыжий комок шерсти с белыми «носочками», обтерся о её ноги, требуя возобновления прерванного сеанса лежания на коленях. Аня вздохнула, поймав своё отражение в зеркале в прихожей. Растрепанный хвостик, ни капли макияжа, кофта с оленями, подаренная бабушкой. «Идиотка, - прошептала она своему отражению. - В таком виде только мусор выносить».

Вечером отчаяние, которое копилось неделями, достигло апогея. Работа была сделана, сериал просмотрен, чай в любимой кружке с котом остывал. Маркиз, свернувшись тёплым калачиком у неё на коленях, блаженно мурлыкал, погружаясь в сон.

- Марк, - тихо начала Аня, глядя его за ухом. - Маркиз, мне нужен мужской совет. Точнее, мне нужно просто выго-

вориться. А ты - мужчина. В широком смысле.

Кот приоткрыл один янтарный глаз и тут же закрыл его.

- Ты видишь того, за дверью? - она кивнула в сторону прихожей. - Его зовут Ярослав. Он идеальный. Ну, смотри. Он не шумит. Не хлопает дверью. У него красивые руки, я видела, когда он забирал почту, выйдя в подъезд в футболке и джинсах. И он пахнет так, как пахнет уверенность и порядок.

Она замолчала, собираясь с мыслями. Ком в горле рос.

- Но он меня не видит, Марк. Я для него - воздух. Прозрачное пятно на лестничной клетке. Сегодня он сказал «здравствуйте», но это было как привет человеку, который для тебя совершенно ничего не значит. Вежливость воспитанного человека. Ни капли интереса. Ни искры!

Голос её дрогнул. Она обняла кота, прижалась щекой к его тёплой шерстке.

- Что со мной не так? - прошептала она уже совсем тихо, и в углах глаз закололо предательски. - Я же не уродина. Я умная, вроде. У меня есть работа, я неплохо готовлю. Ну ладно, не всегда. Но я могла бы! Я бы научилась печь его любимые круассаны, если бы узнала, какие они! Но он даже не смотрит в мою сторону!

Маркиз, разбуженный её тирадой, потянулся, тыкнулся влажным носом ей в подбородок и заурчал громче, пытаясь успокоить свою странную хозяйку. Его урчание было единственным ответом в тихой квартире.

- Вот видишь, - горько усмехнулась Аня. - Даже ты не знаешь, что сказать.

На следующий день случилось нечто, перевернувшее все её теории с ног на голову. Она шла от почтовых ящиков, листая скучные счета, и почти столкнулась с ним в узком пространстве перед лифтами. Он как раз выходил из своей квартиры.

- Ой, извините! - ахнула Аня, отпрыгивая в сторону.

- Ничего страшного, - сказал он. И задержал на ней взгляд. Не на долю секунды, а на полноценные, по её ощущениям, три-четыре. Его глаза - она наконец-то разглядела цвет: серо-зелёные, как мох на камне - изучали её лицо. В них не было привычной нейтральности. Была какая-то глубина, задумчивость. Он даже будто хотел что-то сказать, губы чуть приоткрылись. Но потом только ещё раз кивнул и, провожая её взглядом, нажал кнопку лифта.

Для Анны этого было достаточно. Искра! Это была искра! Он наконец-то увидел её не как соседку-невидимку, а как женщину! Весь её мир заиграл новыми красками. Она провела остаток дня в лихорадочном возбуждении. Строила теории. Может, он всегда был застенчив? Может, он тоже наблюдал за ней? Может, этот долгий взгляд - молчаливое признание?

К шести вечера её решимость созрела, как перезревший плод. Она не могла больше ждать. Нужно было закрепить успех. Создать ситуацию. «Случайную» встречу.

Она приняла душ, потратила сорок минут на макияж - лёгкий, естественный, но безупречный. Надела своё лучшее «случайное» платье - тёмно-синее, шерстяное, облегающее, но скромное. Накинула пальто, повязала шарф. Она выглядела так, будто собиралась не в булочную на углу, а на свидание в центр города. Сердце бешено колотилось. План был прост: пойти купить тот самый французский багет, который продавали в магазинчике через дорогу. Выйти ровно тогда, когда он обычно возвращается с работы. «Случайно» столкнуться в подъезде или у двери.

Она вышла, поймала своё отражение в полированном лифте - да, всё идеально - и направилась к выходу. И как по заказу, внутренняя дверь подъезда открылась, и в неё вошёл

он.

Ярослав. В своём тёмном пальто, с портфелем. Он увидел её, и на его лице на миг промелькнуло то самое выражение - то ли узнавание, то ли удивление. Аня замерла, приготовившись к улыбке, к лёгкому «О, снова здравствуйте!».

Но он снова просто кивнул. Коротко, почти не глядя. И прошёл мимо. Чётким, быстрым шагом, не замедляя хода. Через секунду звук его ключа в замке прозвучал в абсолютной тишине подъезда.

Аня стояла на том же месте, будто её вколотили в пол. Вся её уверенность, все её надежды, весь этот долгий, тщательно продуманный образ рассыпались в прах. В ушах гудело. Она чувствовала себя не просто дурочкой. Она чувствовала себя призраком. Самозванкой в собственном платье. Он снова не увидел. Или увидел и намеренно проигнорировал.

Она так и не купила багет. Вернулась в квартиру, скинула пальто и платье, надела старые лосины и кофту. Села на кухне и смотрела в стену, пока Маркиз, обеспокоенный её каменной неподвижностью, терся о её ноги, пытаясь раздобыть хоть какую-то реакцию.

Надежда, такая яркая и хрупкая, умерла, не успев родить-

ся. Она снова была для него пустым местом.

Воскресенье было днём полным серой тоски. После провальной выходки с платьем, Аня позволила себе скатиться в пучину домашнего уюта, граничащего с запустением. Весь день она провела в старом, мягком халате цвета выстиранной фуксии, с пятном от чая на рукаве, подранное Маркизом ещё в прошлом году. Волосы были собраны в небрежный пучок, из которого торчали растрёпанные прядки. На лице красовалась чёрная маска для лица, которая, по заверениям написанным на упаковке, должна была подарить сияние, но пока делала её похожей на вора-неудачника после ночной вылазки в угольный сарай. Она смотрела третью подряд серию бесконечного сериала, заедая горечь поражения чипсами прямо из пачки.

Именно в этот момент, когда её самооценка достигла дна Марианской впадины, раздался стук в дверь.

Не звонок. Твёрдый, уверенный стук костяшками пальцев. Аня замерла, чипс застыл на полпути ко рту. Кто? Курьер? Она ничего не заказывала. Соседка снизу с вечно протекающим потолком? Но та всегда звонила.

С неохотой, не отрывая взгляда от телевизора, она побрела к двери и прильнула к глазку.

Мир перевернулся.

В искажённом рыбьем глазу линзы стоял ОН. Ярослав. В тёмном пальто, с каплями осеннего дождя на плечах. Он смотрел прямо в глазок, будто чувствовал её взгляд, и его лицо было сосредоточенным.

Паника ударила в виски, отключив все разумные мысли. «ОН! У ДВЕРИ! Я В ХАЛАТЕ! С МАСКОЙ! БОЖЕ, БОЖЕ, БОЖЕ!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.